

ИНГА КОНДРАТЬЕВА

КАК ГОНЧАР ХАНИ РЕШИЛ ЖЕНИТЬСЯ

6+

Инга Кондратьева

Как гончар Хани решил жениться

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Кондратьева И. Л.

Как гончар Хани решил жениться / И. Л. Кондратьева —
«ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-5321-1307-7

Сказочная история о том, как гончар Хани увидел девушку ослепительной красоты и стал просить трёх мудрецов сосватать её за него. В оформлении обложки использован графический рисунок автора книги.

ISBN 978-5-5321-1307-7

© Кондратьева И. Л., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

I

Жил когда-то в наших краях один гончар по имени Хани¹. Хороший был парень. Узнавал по голосу певчих птиц; помнил все тропы, затерянные между камней; облазил каждую расщелину окрестных гор... Любил свою землю. А потому и знал её хорошо – мог всегда отыскать глину красную, гулкую, для праздничных сосудов с вином и кувшинов с маслом. Находил он легко и места залежей глины жёлтой, звонкой – той, что каждый день на столе хозяйку хвалит. Сам вёл он своё немудрёное хозяйство, сам овладел ремеслом, сам торговал своим товаром в базарный день. Рос он один, без родителей, на глазах у всего Нижнего Города, и слова худого про него никто сказать не мог.

Изо дня в день сидел он за гончарным кругом, стоял у печи с обжигом или продавал свою посуду. С радостью гулял с друзьями по горным тропам, купался в море и с радостью возвращался вечером домой. И как-то раз понял, что повзрослел.

И вот увидел он однажды на базаре девушку ослепительной красоты, влюбился в неё и решил жениться. Да вспомнил, что нет у него никаких родственников – ни дальних, ни близких. И не у кого ему просить благословения. Пошёл он тогда ранним утром в Верхний Город напрямик к славному и могущественному Визирю Инсару².

– О, храбрый и справедливый воин! Ты – правитель Города и один из мудрецов всего нашего края. Посоветуй мне и помоги – увидел я девушку, что, как солнце, озарила каждый день моей жизни. Хочу её хозяйкой в свой дом ввести. Скажи, благословишь ли ты нас, как отец родной? согласишься ли по обычаю просить её руки для меня?

Отвечал Визирь:

– Одинокую жизнь веду я, гончар. Раны ещё с юности покрыли моё тело, да и душу не пощадили. Пришёл я в наш Город за мирной жизнью уже много повидавший и многих потерявший, а было мне тогда столько лет, сколько тебе сейчас. Ты родился в первый год моего пребывания здесь, и я хорошо помню твоих счастливых родителей. Помню и беду, забравшую их... Отцом никому не был, и тебе, как сыну, помочь был бы рад. Но вот что скажу: сначала приведи её!

Озадачился гончар и долго бродил по узким каменным улочкам, раздумывая над словами Визиря. Полуденное солнце со всей силой жгло макушку, когда увидел он, что ноги занесли его в Средний Город, где самым мудрым человеком считался Великий Маг Кадир³. Постучался гончар в ворота Кадира и спросил его:

– Великий Маг! Пришло мне время жениться, а благословить меня некому. Вот и к тебе пришёл я с этой просьбой. Узнал я девушку, ослепительную, как само солнце, что озаряет всю жизнь своим сиянием. Хочу просить тебя сосватать её за меня – возьмёшься ли?

Хитро прищурился Великий Маг и отвечал:

– Так приведи её сначала!

Совсем огорошил Маг гончара вторым, схожим с визиревым ответом, и побрёл Хани по дорожкам, бегущим вниз, к морю. И думал, думал... Заходящее солнце раскрасило небосвод сначала в алые, потом в апельсиновые, а затем в бирюзовые и синие полосы. А вскоре и совсем скрылось за горой. И увидел гончар, что стоит он недалеко от своего дома, в Нижнем Городе. Ни одной миски с утра не обжёт он, ни одного кувшина за весь день не продал... Да и ответа своей страждущей душе так и не нашёл. «Зайду-ка я к Дервишу – он третья мудрая голова в нашем краю – может, что и подскажет...» – подумал Хани и, проскользнув в знакомую с

¹ *Хани* – «счастливый».

² *Инсар* – «победитель».

³ *Кадир* – «всемогущий».

детства калитку, прошёл под тень развесистых шелковиц. Там сидел седой старик, двери дома которого никогда не запирались – он всегда был рад гостям. Присел гончар на круговую лавку за столом и в третий раз начал свой сегодняшний рассказ.

– Здравствуй, Учитель! Хочу я жениться на девушке, что ослепила меня своей красотой. Хожу сегодня весь день, прошу всех уважаемых людей стать мне посажёным отцом. Знаю, знаю, что ответишь мне: «Сначала приведи!» Да хоть ты пойми, что не могу я без уверенности водить её на смотрины и подвергать любимую пересудам, а может и отказу! Поэтому заранее и прошу людей, которым доверяю и перед мудростью которых преклоняюсь с детства – если верите моему выбору, обещайте, что благословите нас, и уж тогда приведу сюда свою возлюбленную, чтобы назвать женой на веки вечные. Подобна она сияющему солнцу на небосводе моей жизни и радость принесёт в мой дом! Ну, отвечай...

И опустил глаза гончар, ни на что уже не надеясь. И услышал:

– Не дело хвалить солнце, когда луна во власти! Иди спать, а утром сам будешь знать, что тебе делать дальше, – и Дервиш тихо затянул песню...

И пришла ночь, дарящая покой, и сомкнула всем уставшим веки, и прошло время, и наступило утро...

II

Пошёл Хани следующим днём прямо к дому своей избранницы, встал напротив ворот и стал ждать. Самому войти в чужой дом без приглашения никак нельзя, а сватов засылать – так они ж все ему условие выставили! А как привести девушку к ним на смотрины, если с ней толком и не разговаривал-то ни разу?

И вот ворота наконец отворились, и вышел из них со своей свитой купец Хафиз⁴. И бросился к нему гончар, и испросил разрешения говорить, и милостиво получил его.

– Слепила меня красотой своей дочь твоя, о славный Хафиз! Разреши мне отвести её к трём мудрецам нашего города, тогда один из них согласится быть мне отцом названным и по обычаю предков войдёт в твой дом с просьбой отдать её за меня, если на то будет его и твоя воля.

– Здравствуй, здравствуй, гончар! Негоже такие важные дела на ходу обсуждать! Не хочешь в дом пройти – поговорим в саду.

Расположившись в обвитой цветущими вьюнками беседке, внимательно и долго вглядывался Хафиз в будущего зятя и наконец спросил:

– Да где ж встретились вы с моей дочерью, много ли слов ты ей говорил, много ли слов ты от неё слышал? Держал ли до сего дня ты её за руку, которой так желаешь?

– Никогда не касался я прежде дочери твоей! – с уважительным поклоном отвечал юноша. – А голос её слышал, только когда она на выбранный товар указывала. На базаре я её видел, не один раз брала она у меня посуду. Позволь мне поговорить с ней о нашем будущем – ни о чём другом я вот уже который день и думать-то не могу, хотя даже имени её пока не знаю...

– Как так?! – воскликнул изумлённый отец. – Так про какую же из моих дочерей мы сейчас говорим, ведь они всегда вместе – одна без другой на базар не ходит!

Теперь настала очередь Хани замереть в немом удивлении. С трудом подбирая разбегающиеся куда-то слова, он изо всех сил пытался сохранить достоинство в дозволенной ему уважаемым человеком беседе.

– Не понимаю, как же так? – бормотал он. – Я же спрашивал... Тогда... В первый раз, когда увидел я красоту её и стоял поражённый, глядя ей вслед, люди сказали мне: «Это дочь достославного Хафиза!» А кроме неё, я никого вокруг и не заметил...

– Кажется, я начинаю догадываться, – улыбнулся в усы горделивый отец. – Но скажи мне, юноша, а в каком наряде была тогда моя дочь?

– В ослепительном, о Хафиз! – ответил гончар. – Все краски хурмы и граната переплетались в затейливых узорах невесомых тканей её одежд! Богато расшитый золотыми нитями и блистающими рубинами алый кушак подпоясывал её тонкую талию. Звенящие браслеты загодя предупреждали всех о её появлении и ещё долго затихали перезвоном, когда её уже не было рядом...

– Да. Это она! – воскликнул Хафиз. – Когда четырнадцатый день рождения пришёл к моей дочери, решил я сделать подарок не только ей, но и себе. Захотел я запечатлеть этот миг, когда дочь из ребёнка превращается во взрослую девушку, сохранить его для себя навсегда, чтобы легче было отпустить потом её саму. Накупил я у заморских купцов самых дорогих красок всех цветов и оттенков и заказал её портрет лучшему мастеру. Так, знаешь, половина красок осталась нетронутыми – кобальт, лазурь и индиго пригодились позже, для портрета младшей. А вот кармин, сурик и киноварь пришлось докупать. Кстати, о покупках! Вспомни, расплачивалась ли моя дочь сама за выбранный у тебя товар?

⁴ Хафиз – «хранитель, опекун».

– Нет, никогда, – заверил купца гончар. – Она только выбирала да указывала слугам, что и куда грузить.

– Всё точно! Это моя старшая – Шамсия⁵. Она хорошая дочь, но давать деньги ей в руки при походах на базар я давно не рискую – всё потратит на сладости и побрякушки, – уже откровенно сиял радостью явно обожающий свою старшую дочь отец. – Ну, тогда, может, вспомнишь, кто оплачивал покупки и отсчитывал тебе монеты – той руки ты уж точно касался! – вовсю улыбался Хафиз.

– Женщина, – как сквозь сон припоминал Хани. – Скорее молодая девушка... Тонкая рука с прозрачной кожей, на ней перстень с синим камнем. Одета во что-то голубое... или бирюзовое... Нет, не вспомнить. Она какая-то неуловимая... Как воздух.

– И надёжная, как скала... Ты хорошо сказал: незаметная, как воздух. И привычная, как дыхание... У неё на руке кольцо её матери. Только один день были они вместе на земле... Моя дорогая жена родила Шахрият⁶, когда солнце ещё не взошло, и угасла на закате этого дня вместе с его последними лучами. И я, вопреки обычаю, решил, что её перстень будет принадлежать нашей младшей дочери, слишком мало у той осталось от матери – один только день. А у старшей было три года материнской нежности. Слишком привязаны были они друг к другу, слишком многое потеряла в один миг Шамсия. Я боялся тогда за неё больше, чем за малышку, которая просто не понимала, чего лишилась. С того дня я хотел восполнить её утрату и все силы отдавал, чтобы удвоить родительскую ласку и заботу. Не спускал Шамсию с рук, везде брал её с собой, не упускал из виду ни на минуту. Всё позволял, всё доставал, чего только ни пожелает – любые наряды, любые заморские диковины! А Шахрият сначала была слишком мала – няньки да служанки растили её. А потом так сложилось, что уединение стало её прибежищем и отрадой. И хоть она тоже не имела ни в чём отказа, но желания её были совсем иными – сначала любимицы-собаки, позже резвые рысаки и всегда – новые книги и лучшие учителя. И сейчас она мне не только любимая дочь, но и верный помощник.

Эти отцовские слова прозвучали с затаённой гордостью, и уголки глаз Хафиза сверкнули подозрительно влажными лучами.

– Я сейчас позову обеих моих дочерей в сад. Ты останешься в беседке, будешь их видеть и слышать наш разговор. Но обещай мне, что не подойдёшь ближе, пока я не дам тебе знак, и не проронишь ни одного слова, пока с ними говорю я.

– Обещаю, о мудрый Хафиз. Но зачем ты зовёшь обеих, если мы уже поняли, что речь идёт про твою старшую дочь?

– Ты пришёл ко мне. Ты сказал: «Мне нравится твоя дочь. Я встретил её на базаре». Ты не назвал имени. Посему быть так – я буду говорить с каждой.

⁵ *Шамсия* – «подобная солнцу».

⁶ *Шахрият* – «связанная с месяцем, смотрящая на луну».

III

Казалось, что птицы громче запели свои песни, а усыпанный цветами сад раскрыл ещё больше бутонов, соревнуясь со свежестью и красотой появившихся в нём девушек. Это на зов своего отца явились обе дочери Хафиза. Жадно вглядывался Хани в свою желанную, но и сестру её с интересом рассматривал, немного смущаясь тем, что раньше вообще ту не замечал. Черты лица обеих были схожи, и сейчас, хихикая и бросая короткие любопытные взгляды в беседку, наклоняясь друг к другу и о чём-то перешёптываясь, издали были они различимы только цветом одежд. Не мог наглядеться на живописную пару и умилённый Хафиз. Но вот отцовский долг возобладал наконец над отцовской гордостью, и он начал свою речь.

– Смейтесь, заливайтесь, пташки мои вольные! Радуйте отца своим щебетом, весельем и безмятежностью. Вовек не прерывал бы я этих волшебных моментов, только благодарил бы судьбу да наблюдал издали... Но разговор у нас с вами будет сейчас хоть и не печальный, но серьёзный, потому что сулит он нам возможное расставание и немалые перемены в жизни для всех нас.

– Ты снова собрался в дальний путь, батюшка? – спросила старшая сестра с лёгким удивлением. – Ведь только три луны сменилось, как вернулся ты с богатым караваном. Неужели товары твои иссякли, и ты вновь покинешь нас на долгие дни и недели?

– Нет, сестра, – с тревогой подала голос и младшая дочь купца. – Хоть и длительны эти поездки и томительны ожидания, но они привычны для нас всех. Отец говорит о каких-то более важных изменениях. И о более серьёзной разлуке. Ведь так, папа?

– Когда ваша бедная мать, Шахрият, поняла, что силы её на исходе, взяла она меня за руку и дала такой наказ: «Тяжело тебе будет, любимый муж мой, одному, без меня, растить наших девочек, принимать решения об их будущем, направлять и опекать их... Но настанет день, когда тяжесть эта станет невыносимой – день, когда тебе придется отпустить их из-под отцовского крыла. Для того и говорю я эти слова нынче, чтобы и моя воля помогла тебе принять тогда верное решение. Когда девочки войдут в возраст невест – не выбирай долго, оттягивая миг расставания. С лёгкостью отдай нашу дочь первому, кто назовет её избранной, а наш род достойным. Не смотри – богатый этот человек или бедный, зрелый или молодой, сосед или чужеземец. На одно только смотри – чтобы имя его было незапятнанным, а помыслы чистыми и искренними». И вот, кажется, день этот приближается. Так что это кому-то из вас скоро собираться в дорогу. Но я не деспот, и без вашего желания ни одну не отпущу в чужой дом. Поэтому и говорю с вами честно и открыто. Знаете ли вы гончара из Нижнего Города по имени Хани и что можете сказать о нём?

– Так вот же он, сидит в нашей беседке и, как всегда, молчит, папа! – засмеялась Шамсия. – За кем же из нас пришел этот неразговорчивый гончар? Он уже посватался?

– Как не стыдно тебе, дочь моя, так нескромно и неуважительно насмеяться над гостем, который пришел ко мне с просьбой? Это я велел ему до поры не прерывать нашу семейную беседу. Он почтительней тебя и не посмел бы сам просить кого-то из вас в жёны. Это сделают за него достойные люди, а его просьба и заключается в том, чтобы я разрешил смотрины. Я даю на это моё согласие и хочу, чтобы вы обе сопровождали и поддерживали друг друга в гостях, где впервые меня не будет с вами рядом. В первый день вы навестите Великого Визиря Инсара в Верхнем Городе. На следующий день ваш путь будет лежать в Средний Город к Великому Магу Кадиру. А на третий день вы побываете у Великого Учителя Нижнего Города – Дервиша Хакима⁷. По прошествии этих трёх дней я соберу всех у себя в доме и по очереди выслушаю мнения мудрецов. Если один из них возьмёт на себя почётную роль посажёного отца для Хани,

⁷ *Хахим* – «мудрец»

то будет произнесено имя и спрошен ответ. Так тому и быть! Но ты так и не ответила на мой вопрос, Шамсия. Что можешь ты рассказать о гончаре?

– О! Неужто правда, что сам Визирь у нашего гончара в близких приятелях ходит?! – начала было опять подшучивать старшая сестра, но, увидев холодный блеск в глазах отца, она присмирела и перестала испытывать его терпение. – У гончара мы часто покупаем посуду, папа. Я могу сказать, что у него одна из лучших лавок на базаре и уж точно самый лучший товар в гончарном ряду. Ещё он очень весело зазывает покупателей: рассказывает про свои горшки разные истории, как про настоящих людей, поёт песенки, шутит с соседними торговками... Я часто прошу слуг остановить наших ослов за углом соседней чайханы, и мы подолгу стоим и слушаем, как он балагурит, потому что, когда мы сами подходим к нему, он почему-то теряет дар речи и сразу замолкает.

Гончар, сидя в своей беседке, густо покрылся краской и хотел провалиться сквозь землю. Но он дал слово не вмешиваться в разговор и терпел дальше.

– А ты можешь что-нибудь добавить к рассказу сестры, Шахрият? – нежно спросил Хафиз.

– Мне кажется, что, кроме песен и веселья, Хани известны и страдания, отец.

– Почему ты так думаешь, дочь моя?

– Мы с сестрой в самом младенчестве лишились одной только матери, и знаем, какая это незаживающая рана. Но у нас всегда были твои любовь, тепло и защита, а он рано потерял обоих родителей сразу.

– Да, это так, дочь моя.

– Я думаю также, отец, что знавал он и минуты боли. Расплачиваясь на базаре за товар, заметила я шрам на тыльной стороне его руки. А когда однажды монеты просыпались на землю и мы наклонились подобрать их, увидела я ещё, что и обе его ноги до колена в следах от ожогов, похожих на брызги молока на загорелой коже.

Гончар с удивлением всматривался в девушку, которая напомнила ему то, что сам он, казалось, уже давно позабыл. В тот день, когда он только обучался обжигать горшки самостоятельно, из-за неплотно прикрытой заслонки печи внезапно просыпались прямо ему под ноги горящие угли. С тех пор на отметины от них никогда не ложится солнце. Ещё припомнил он, как первый раз нагрузил полным-полно товара для поездки на базар, а старое колесо не выдержало, подломилось, и с перекошенной повозки посыпались на него, раскалываясь друг об друга, миски и кувшины, а одним черепком пробило ему сверху кисть руки. И как прибежал он в сад к Учителю Хакиму, оставляя за собой на песке кровавую дорожку из капель, и как тот рыболовными крючками скрепил рану и оставил у себя жить на целый месяц, потому что сам Хани плохо управлялся одной рукой...

– Теперь можешь подойти к нам, Хани, – приветственно протянул руку к беседке купец. – Я хочу на эти три дня вручить тебе заботу о самом главном сокровище моей жизни – о моих дорогих дочерях. Я выполняю твою просьбу, жди их завтра в полдень у ворот Верхнего Города и сопроводи к властителю Инсару. А к закату доставь их обратно. А вас, дети мои, я прошу вести себя достойно и унять своё необузданное любопытство! Сколь угодно можете вы говорить о прошлом, для того и даётся вам это время, чтобы лучше узнать друг друга... Но запрещаю спрашивать о будущем и задавать Хани неудобные вопросы, на которые он не имеет права ответить до окончания этих трёх дней.

– Благодарю тебя, досточтимый Хафиз, – смотря прямо в глаза отцу своей будущей невесты, с искренним чувством отвечал гончар, – за твоё великое ко мне доверие и за то ещё, что всерьёз отнёсся к моим словам. Благодарю также и твоих дочерей. Они обе, хоть и по-разному, удивили меня своими речами и наблюдательностью. Я обещаю, что никто не посмеет не то что обидеть, но даже косо посмотреть в их сторону, пока они доверены моим заботам. И постараюсь, чтобы время, проведённое вне родного дома, стало для них отдыхом, а не испытанием, а

люди, встреченные в эти дни, были к ним благосклонны и добры. Я сейчас же отправляюсь к Великому Визирю, чтобы договориться о завтрашнем визите.

IV

И снова гончар возвращался домой уже в сумерках. И снова, как и вчера, он перед сном заглянул под шелковицы к своему Учителю.

– Всё ли ладно у тебя, Хани? – спросил Дервиш Хаким своего молодого соседа. – Что принёс нам минувший день?

– Благодарю тебя, Учитель, за вчерашний совет. Этот день удивил меня! Всё, что вчера казалось невозможным, стало сегодня лёгким и простым. Я прямо пошёл к её отцу и честно рассказал о своих намерениях, хотя никак не ожидал, что он примет это так благосклонно. Чувствам моим было настолько тесно во мне, что было необходимо или высказать их, или хоть как-то действовать. Не нарушая ни законов, ни приличий, я пошёл к купцу не с просьбой отдать его дочь мне в жёны, а просто пересказать то, что говорили мне мудрецы нашего Города. И случилось чудо! Я видел её, я слышал её речи, и сам отец вручил её моим заботам на три дня! Пока только на три дня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.